

*Т.Ф. Кораблёва,
Российский Национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
Москва, Россия.*

**Житие великомученика Антония Макаренко
(новейшая фальсификация и конспирология).**

Аннотация: Статья-памфлет посвящена критике фальсификации творческих истоков Антона Макаренко, тенденциозной интерпретации его судьбы и педагогической системы.

Annotation: The article-pamphlet «Life Martyr Anthony Makarenko (newest falsification and conspiracy method)» devoted to the criticism of falsification of creative origins of Anton Makarenko, biased interpretation of his heritage.

В 2009 году вышла публикация наших коллег Р.В. и Н.В. Соколовых «А.С. Макаренко: православные корни. Судьба педагога и его педагогического опыта» (1). Работа имеет, по свидетельствам авторов, огромный успех на православных сайтах и электронных СМИ, среди воцерковленных педагогов. Нельзя не заметить, что она обойдена специальной рецензией макаренковского сообщества, публичным обсуждением этого «нового слова» в изучении (скорее, целенаправленного искажения) Макаренко. Моё личное уклонение от полемики и своевременной рецензии объяснимо «сдерживанием лавины» в макаренковском интернет-пространстве со стороны сверх продуктивной активности авторов (2).

Каждый из нас понимает, как трудно критиковать «стоящего рядом с тобой», а тем более потребовать от него нечто. Это макаренковское положение разрешено возможностями сильного и здорового коллектива, где товарищество не пострадает, а коллективные силы приумножатся на преодолении жизненных противоречий. Тем не менее, «Платон мне друг, но истина дороже...».

Перед нами развёрнуто новое направление – *макаренковедение для верующих*, некое Слово о Макаренко, «заново переосмысляющее (его) жизненный путь». А судьба и наследие педагога предстаёт перед нами как житие святого великомученика Антония Макаренко. Заверения авторов, что они будут заниматься лишь «корнями», которые, согласно авторам, просто «не могут не быть православными»? (1; с.60), и что не будут утверждать также, будто Макаренко верующий христианин (1; с.5) остаются шумовым прикрытием для беспрецедентной фальсификации биографии, судьбы, ценностных оснований теории и практики Макаренко.

У наших коллег была прекрасная возможность удовлетворить своё рвение неофитов и ограничиться признанием нынешних деятелей Русской православной церкви благородного успешного труда, ценного педагогического опыта А.С. Макаренко, который может быть адаптирован и использован в практике православного воспитания, особенно трудового. В публикации Р.В. и Н.В. Соколовых дан большой и убедительный ряд положительных отзывов деятелей РПЦ разного статуса, защищённого диплома в Свято-Тихоновском гуманитарном университете о *возможностях применения* наследия Макаренко в сиротском учреждении (3).

Авторы вполне уместно цитируют материал А.А. Фролова об отношении зарубежных христианских конфессий к опыту воспитания, некоторым аспектам теории и практики Макаренко, а также суждения представителей исламской и протестантской общины России (1; с. 8-9).

Но, увы, авторы не ограничиваются этим, считая приведённые мнения виртуальным/символическим благословением, а свою задачу своеобразным «послушанием» и «наведением порядка в православном доме». Они честно предупреждают о целях своих стараний: *это не для атеистов*. Им важно показать, что Макаренко не так страшен, как его малюют советские и атеистические идеологи (1; с. 6).

Одна эта фраза красноречиво показывает отношение Р.В. и Н.В. Соколовых ко всему сделанному в советско-российском и зарубежном макаренковедении.

Погрузившись в заданный контекст, понимаешь, что не стоит и ожидать в списке использованной литературы работ признанного лидера научно-биографического направления в макаренковедении Гётца Хиллига (кроме воспоминаний Виталия Макаренко), других специализированных и защищённых в научном сообществе работ по мировоззрению, творчеству и ценностным основаниям наследия Макаренко.

Не удивляет также и то, что наши товарищи умудряются рассуждать о ценностях Макаренко полностью «закрыв» ему рот, не давая высказаться напрямую по обсуждаемой теме, ибо его слова, его позиция явно помешают «навести порядок в православном доме», обрушат мнимую конструкцию авторов и введут в громкий конфуз.

Достаточно сказать, что библейские и богословские источники цитируются гораздо чаще самого Макаренко, всё строится на догадках, допущениях и предположениях конспирологического свойства в духе катакомбного раннего христианства: «...мы не ставили задачи доказывать, что А.С. Макаренко всю жизнь был истинно верующим православным христианином. Так это или не так, может быть, ведомо только Богу. Полагаем, что и сам Макаренко о том не мог знать точно, даже, если бы он задумывался об этом» (1; с.5). Утешает, что хотя бы наши товарищи своевременно позаботились о душе Макаренко, взяв его на своеобразное перевоспитание.

Евангельский смысл ими усматривается едва ли не в каждом слове Макаренко по принципу формального совпадения с их собственным лексическим аппаратом. Показывая хозяйство колонистов в Куряже своему другу, Антон предлагает осмотреть ему «наше царство». Авторы цитируемого произведения ожидаемо усматривают скрытый смысл фразы: «заметим, не колхоз, а царство». Православное, разумеется, или даже царство Божие (1; с. 41). «Великомучени-

чество» Макаренко (Ю.Б. Лукин) трактуется ими опять-таки евангельски, вовсе не как закономерные «мучения» новатора во все времена.

Довольно курьёзным для наших авторов может быть то, что протоиерей, отец Василий Зеньковский, крупнейший религиозный философ и историк педагогики русского зарубежья поручил своей сотруднице О.С. Субботиной подготовить очерк о Макаренко. Он был выполнен на письменных источниках и опубликован в 1960 году. В нём О.С. Субботина пишет о «простоте, сдержанности, душевном очаровании» отношения педагога к детям. «Если бы только он не так сильно кадил коммунистам», – добавляет она, так и не усмотрев в опыте Макаренко сложно законспирированного христианского воспитания, оставив без внимания «козыри» наших коллег в виде множества православных «корней» (4).

Но нашим товарищам, конечно же, виднее. Они считают, что располагают действительно новыми фактами, о которых заявляют неоднократно, призывая к бдительности доверчивого читателя: «...читая ранее опубликованные макаренковские тексты, надо быть осторожными при выводах и суждениях...» (1; с.55).

Вот и пример. Цитата из Макаренко о том, что «Педагогическая поэма» это поэма всей его жизни, которая самому Антону Семёновичу представляется «чем-то священным» погружается супругами Соколовыми в конспирологическую тьму с утверждением, что лишь издание 2003 года впервые обнародовало столь запретную фразу (1; с. 29).

Авторы явно творят сенсацию на пустом месте. В интересах «макаренковедения для верующих» скажу: эта фраза из письма Горькому (февраль 1935) всем нам прекрасно знакома. По крайней мере, с 1983 года, когда вышел первый том восьмитомного собрания сочинений (5; 1, с. 264).

Можно не умножать далее примеры. В мою задачу не входит специальный разбор данной публикации. Скажу лишь, что возможная рецензия на произведение наших коллег будет выглядеть, скорее, фельетоном или памфлетом. Академический дискурс в этой ситуации невозможен. Хотя известная классичность здесь всё-таки есть: использование софизмов, схоластических приёмов,

манипулирования, бесконечных ссылок на авторитеты и прочее. Как известно с античных времён, всегда можно доказать, что нечто является вином, а через минуту уксусом. Было бы желание, а оно есть.

Что же в итоге? Мы можем наблюдать образ препарированного, неузнаваемого, незащитного Антона, брошенного супругами Соколовыми на алтарь православия, дабы принести свои неофитские дары (жертвы): сконструировать из Макаренко «православного педагога» и тем самым восполнить звенья одной цепи российской педагогики. Но и это не всё. Макаренко действительно является звеном педагогической цепи, но эта цепь, судя по сочувственной цитате Р.В. и Н.В. Соколовых, «из тех людей, кто помог через десятилетия атеистической пропаганды вернуться к вере отцов» (1; с. 8). В той ли цепи оказался Макаренко звеном, а ещё точнее «пешкой» в софистических упражнениях наших коллег?

В качестве исходного рассуждения «исследования» берётся бездонное утверждение, что «все мы родом из детства», из которого можно вывести всё, что угодно, в нарушение элементарных правил логики и здравого смысла. Из того, что семья Макаренко была традиционно православной, отец был старостой в церкви, семья кормила обедами нищих, а дети приучены целовать руку отцу – делаются настолько далеко идущие выводы, что они уже не имеют отношения ни к реальной судьбе Антона Семёновича, ни к умозаключениям по правилам.

Итогом становится, вопреки изначальным заверениям авторов, «изготовление» из Макаренко «анонимного христианина», сверхсоветского диссидента (термины мои, – Т.К.), оппонировавшего не только советским бюрократам, но и советской идеологии как таковой с позиций абстрактного будущего, не исключено, – «православного Царства». «Макаренко в Советском Союзе был нонсенс», он был «слишком советский», – утверждают они (1; с. 61, с.48), упрощая и выхолащивая социальную основу творчества педагога-реформатора. Макаренковское «коммунистическое воспитание» было, очевидно, лишь фигурой речи и эзоповым кодом православных ценностей, о чём напрямую заявляют Соколовы.

Вместо системы коллективного воспитания, «золотого фонда» Макаренко, ставшего *парадигмой изучения коллектива* в философии и педагогике вплоть до наших дней, мы слышим про «педагогический скит», «обитель», «чудеса», «народную веру», «измученное сердечко», «дело святое» «передвижения гор» и прочие «доказательства» православных педагогов Соколовых.

Наши коллеги благонамеренно выпаривают «православные смыслы» из наследия Макаренко, не задумываясь, насколько жизнеспособным получится изготовленный ими дистиллят.

Изъяты за ненадобностью для их построений собственно макаренковская теория, его новаторство, его достижения, признанные в мире. Читателю просто невозможно понять причины, сделавшие педагогику Макаренко мировой и отечественной классикой. Теперь, после этой «сенсационной» публикации, Макаренко оценён, наконец-то, по достоинству?

Авторы уверены, что доказали «православность» и «народность» Макаренко (в их терминологии нашли «два корня») (1; с. 39). Остаётся, похоже, найти свидетельства скрытых монархических убеждений, что уже отчасти просматривается через негативные характеристики «советского», «большевистского», «партийного», сочувственные комментарии к воспоминаниям Виталия, участника Белого движения. И не удивит, если авторы, вновь закроют глаза на прямое высказывание Антона Макаренко о том, что он белогвардейца (монархиста, – Т.К.) воспитать бы не сумел (5; 4, с. 368).

Вырисовывается сконструированный В.В.Уваровым слоган государственной идеологии императорской России XIX века времён Николая I: «Православие, самодержавие, народность». Неужели Макаренко был так глубоко законспирирован в советской реальности? Остаётся предположить тогда, что и наши православные товарищи находились долгие годы в СССР на нелегальном положении в качестве «ударников коммунистического труда».

Авторы явно избыточно привержены изучению «корней». У них это и корни веры, корни педагогической работы, корни духовных запросов, корни потребностей, без конца упоминаемые ими. Не для того ли, чтобы из них мож-

но было вырастить *непроходимый лес софизмов, домыслов и версий* и окончательно заблудить там читателя-атеиста во имя полной победы «макаренковедения для верующих»?

В обозримое время мы можем стать свидетелями ещё более сенсационных изысканий Р.В. и Н.В. Соколовых. Стоит обратить внимание на следующие темы макаренковедческих исследований, уже заявленные нашими коллегами (1; с.31, с.39).

Супруги Соколовы соблазняют и искушают православных педагогов, молодёжь, открывающую для себя тему Макаренко (6). Церковь предусматривает такую возможность, когда православные люди из лучших побуждений кого-то отдалают от принятия веры и вовсе небезосновательно ежедневно молится о них: «Спаси, Господи, и помилуй ихже аз безумием моим соблазних, и от пути спасительнаго отвратих».

Вряд ли нужны древней и мудрой церкви, православной педагогике такие «дары» и столь лукаво «перевоспитанный» Макаренко.

Настоящий «корень» этой фальсификации, очевидно, в соблазнах души и ума, именуемые самой церковью «впадением в прелесть» (7).

Использованные источники и примечания:

1. *Соколов Р.В., Соколова Н.В.* А.С. Макаренко: православные корни. Судьба педагога и его педагогического опыта. – М.: НИИ школьных технологий, 2009. – 68 с.
2. Персональный сайт Р.В. и Н.В. Соколовых «Правда об А.С. Макаренко, его предшественниках и последователях», ставший преемником не менее целенаправленного сайта по пропаганде «благих вестей» о православных корнях Макаренко, а также по презентации своего вклада в развитие русской социальной педагогики: от Шацкого до Соколова – <http://makarenko-sokolovy.ru/>.
3. *Андропова А. В.* Возможность применения педагогического наследия А.С. Макаренко в Православном сиротском учреждении. 2009 (дипломная работа).
4. *Субботина О.С.* Советская педагогика после 1931 года //Русская педагогика в XX веке. – Париж: Изд-во религ.-педагог. каб. при Православном Богословском ин-те. – 1960. – с.45-48.
5. *Макаренко А.С.* Собр.соч. в 8-и тт. М.: – 1983-1986.
6. 5 сентября 2014 года в социальных сетях появился пост Сергея Трубникова (Брянск, клуб макаренковедов «Суть времени»): «Макаренко в советскую и постсоветскую эпоху». Трудно понять, кому принадлежит следующее высказывание, но пропагандистская работа наших товарищей приносит плоды: «Знаете, еще год назад меня бы, наверное, возмутили попытки искать православные корни педагогики Макаренко. Сейчас я отношусь к этому абсолютно нормально». – http://vk.com/club_makarenkovedov_sv?w=wall-40615960_14
7. В Библии церковно-славянское слово *прельстити* значит «обманывать», «обольщать» (Быт.3:13). *Прельститися* – впасть в заблуждение, обмануться, свернуть с прямого пути (Вт.4:19). **Прелесть** – это состояние **духовного заблуждения**, ложное духовное состояние. Она состоит в усвоении человеком лжи, принятой им за истину. <http://verapravoslavnaya.ru/?Prelestmz>